

Мара Полякова: «В Совете больше возможностей решать многие вопросы на системном уровне»

Мара Фёдоровна Полякова (родилась в 1942 году) – юрист, общественный деятель, правозащитник. Окончила юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Имеет 27-летний опыт практической работы в органах прокуратуры и научной работы в сфере уголовного судопроизводства), а также 25-летний стаж преподавания юридических дисциплин: в Институте повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, в Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, в других вузах.

Участвовала в разработке многих законопроектов, научных, учебных и методических трудов. Была общественным помощником члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ Ю.Д. Черниченко, общественным помощником депутатов Госдумы РФ Г.В. Старовойтовой и С.А. Ковалёва. Председатель правления Межрегиональной общественной организации по научному содействию защите прав человека и развитию гражданского общества «Независимый экспертно-правовой совет» (НЭПС), кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции, член Московской Хельсинкской группы.

Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, председатель Постоянной комиссии по научно-правовой экспертизе, входит в состав постоянных комиссий по гражданскому участию в правовой реформе, по гражданскому участию в противодействии коррупции и контролю за правоохранительными органами, по развитию НКО, по содействию общественным наблюдательным комиссиям, реформе пенитенциарной системы и профилактике правонарушений, входит также в состав временной рабочей группы по мониторингу соблюдения прав человека на территории Украины.

Имеет благодарности двух президентов РФ за вклад в развитие институтов гражданского общества и обеспечение защиты прав и свобод человека.

Ред. Мара Фёдоровна, вы были юристом во всех ипостасях: следователем и ученым-правоведом, практиком и теоретиком. Это у вас наследственное пристрастие?

М.П. Мама у меня действительно была юристом, но в семье никто влияния на мой выбор не оказывал. Было у меня, правда, со старших классов острое желание расследовать тайну гибели Владимира Маяковского.

Ред. И что вы теперь думаете по этому поводу?

М.П. Много лет спустя мне довелось пообщаться с членом Военной коллегии Верховного Суда СССР, который выразил сомнение в справедливости официальной версии самоубийства, но, поскольку я сама делом этим не занималась, судить не могу.

Ред. Расскажите о начале своего профессионального пути.

М.П. Юридическое образование я получила, обучаясь на вечернем отделении, для поступления на дневное необходимо было иметь два года рабочего стажа. Общие представления о жизни у меня были достаточно советские и относительно правовой ситуации в стране тоже имелись заблуждения.

Ред. А вот, скажем, обвинительный уклон в советских судах, о котором говорят многие специалисты, вы замечали?

М.П. Я разобралась в этом позже, в аспирантуре Института государства и права. Выбрав тему диссертации «Возмещение ущерба в уголовном процессе в случае реабилитации» и проведя исследование, увидела, что достаточно много случаев, когда привлекали невиновных по ошибке или в результате злоупотреблений. Поняла я и то, что масштаб незаконно репрессированных по политическим мотивам в сталинский период так велик, что для компенсации ущерба в полном объеме понадобится, видимо, чуть ли не весь бюджет государства. В тот период этим гражданам ущерб возмещался лишь частично.

Я разрабатывала положения нормативных актов, которые позволяли компенсировать ущерб незаконно репрессированным в уголовном порядке после вступления в силу этих норм. В Институте мне говорили, что тема «непроходная», что мои статьи никто не будет публиковать. Но я была убеждена, что, даже если сейчас не получится, то заниматься этим необходимо.

Ред. И что в итоге?

М.П. В итоге я защитила диссертацию в 1977 году под руководством Валерия Михайловича Савицкого, защита прошла успешно, и публикации состоялись. В 1981 году были приняты нормативные акты в том варианте, в котором я предлагала. Этими нормами предписывалось возмещение ущерба всем реабилитированным, в отношении которых незаконные действия были совершены после 1 мая 1981 года, в полном объеме.

Но не все истории заканчивались в тот период так благополучно. Члена-корреспондента Академии наук СССР Михаила Соломоновича Строговича забаллотировали при выборах в академики. Его обвинили в том, что он протаскивает в советский уголовный процесс «буржуазный принцип» — презумпцию невиновности.

Ред. Похоже, девиз «если не я, то кто?» вам не чужд.

М.П. Что-то вроде этого.

Ред. А перестройку как вы восприняли?

М.П. Абсолютно эйфорически! Мы, юристы, возлагали огромные надежды на появление суда присяжных. Крепко поверили в создание правового государства, размышляли. Но были и трезвые соображения: мы понимали, что без судебной реформы другие реформы невозможны, их просто некому будет защитить, что в итоге и случилось. Было очень заметно, что в ходе законодательного процесса появляется множество безграмотных нормативных актов, ведь их готовили в большинстве своем не юристы. Мы убеждали депутатов взять хотя бы помощников, имеющих юридическое образование. Необходимость правовой реформы понимал широкий круг юристов, мы общались, собирались на неформальные встречи, участвовали и в парламентских слушаниях, разъясняли депутатам, что могли. Иногда наши разъяснения помогали более грамотно выстраивать законопроекты.

Ред. С горбачевской эпохой понятно. А после образования новой России, что изменилось в вашей жизни?

М.П. Мы обращались к руководителям фракций Госдумы РФ, возглавляемых в тот период Егором Гайдаром и Григорием Явлинским. Мы разъясняли им необходимость судебной реформы. Они выслушивали нас. Явлинский даже предлагал возглавляемому мной Независимому экспертно-правовому совету стать частью «Яблока». Но мы этого не хотели, понимая, что политизированность, привязка к какой-либо партии пойдут делу во вред. Мы продолжали говорить о последствиях незавершенности судебной реформы, но эти фракции в тот период не считали судебную реформу приоритетной, они были ориентированы исключительно на экономику. Однако экономическая реформа, предпринимательство должны были иметь необходимые правовые рычаги для своей защиты, защиты права частной собственности, предпринимательства. Мне довелось успешно поработать в тот период с публицистом Юрием Черниченко, мы боролись за то, чтобы юридически закрепить право собственности на землю. Сотрудничали по этому поводу с Центром частного права при Президенте РФ, со многими учеными вузов, содействовали защите фермеров.

Ред. До вхождения в Совет у вас был опыт общения с правозащитниками?

М.П. Да, и немалый. Я сотрудничала с «Мемориалом», вошла в состав Московской Хельсинкской группы, систематически сотрудничала с рядом других правозащитных организаций. Привлекала к общению с ними, к оказанию им научно-экспертной помощи круг ученых с мировыми именами. Мы обращались к ним, они – к нам. Я контактировала с Сергеем Адамовичем Ковалёвым, была членом Постоянной палаты по правам человека, когда ее возглавлял Валерий Борщев. Сотрудничала в качестве эксперта с Комиссией по правам человека при Президенте РФ, когда ее председателем был Владимир Карташкин. При нем там доминировали чиновники и решения принимались большинством голосов с учетом именно их мнения. Я не ощущала каких-то подвижек. Мне удавалось лишь помогать некоторым конкретным людям, например, когда ко мне обращался член Комиссии, известный артист Георгий Жжёнов. Однако идея защиты прав человека, развитие правовых идей в Комиссии продвигались слабо.

Ред. Каким образом вы стали членом Совета?

М.П. Элла Александровна Памфилова собрала руководителей многих правозащитных организаций. По их рекомендации пригласили и меня. Элла Александровна подробно беседовала с каждым, выясняла, кто чем занимается. До этого мы с ней лично не общались. Я поделилась своими соображениями относительно развития гражданского общества, защиты прав человека, судебной реформы. Она мне предложила войти в состав Совета, и я тут же согласилась, понимая, что таким образом появится больше возможностей решать проблемы как системные, так и в отношении конкретных людей, терпящих произвол.

Позиция

«Малоимущие люди, люди наименее социально защищенные, как правило, лишены возможности обращаться к адвокатам... Отчаявшись получить защиту от государства, помощь от государства, идут к правозащитникам. Но правозащитникам, чтобы оказывать этим людям реальное содействие, необходимо вступать в диалог с государством...

Проведенные проверки и органами прокуратуры, и налоговыми органами, и органами управления юстиции показали, что многие организации, которые причислены сегодня к агентам, не работали против России, все они работали в интересах России, в интересах российских граждан. То есть, их деятельность,

несмотря на иностранное финансирование, никакого вреда не причиняла, приносила пользу.

В то же время, особенно это ощутимо на местах, разрушен диалог с властью...

Мне известно, что закрываются, ликвидируются некоторые совершенно замечательные организации, которые действовали в интересах России, тот же «Комитет против пыток», организации, представители которых входят в состав Совета, которые, кроме как тем, что оказывали помощь людям, не занимались ничем другим. А поскольку занимались они работой в интересах граждан России, то использовались какие-то предлоги, иногда просто смешные, как правило, надуманные, которые на самом деле к политической деятельности не имели никакого отношения».

Из выступления М.Поляковой на встрече Президента РФ В.Путина с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, 1 октября 2015 г.

Ред. Войдя в Совет, вы сразу же занялись работой «по профилю»?

М.П. Разумеется, мы занялись вопросами правовой реформы вместе с Тamarой Георгиевной Морщаковой, Сергеем Пашиным и другими известными юристами. Я еще специализировалась на решении иных конкретных правовых проблем, в частности всего, что связано с НКО и ОНК. Я понимала, что необходимо поддерживать правозащитные организации, правозащитное сообщество, это ведь очень сложный участок. Мы начали проводить семинары для юристов НКО. Эту практику поддерживала Элла Александровна, поддерживал затем и Михаил Александрович Федотов. Мы поняли, что необходимо повышать правовую квалификацию самих правозащитников, чтобы они имели уровень юридической подготовки не меньше, чем у чиновников. Ведь у чиновников есть система повышения профессиональной квалификации, а правозащитники такой поддержки лишены. На семинарах, на лекциях мы много внимания уделяли вопросам взаимоотношений правозащитников с другими участниками процесса, важность которых не всегда понимали правозащитники. Например, были случаи, когда в судах они использовали митинговые приемы, «от дверей» заявляли отводы судьям, вредя при этом своим подзащитным.

Ред. Прогресс после учебы заметен?

М.П. Сейчас они грамотно ориентируются в судоговорении, понимают необходимость знания законов, в процессы направляют только юристов. Некоторые, несмотря на уже имеющееся высшее образование, пошли учиться еще и в юридические вузы. Поэтому сейчас на семинарах мы главным образом знакомим юристов НКО со всеми изменениями в законодательстве, содействуем правильному толкованию сложных проблем практики. Для оказания помощи НКО мы готовы для них научно-консультационные заключения на спорные вопросы по судебным делам граждан. Благодаря этим заключениям они получают возможность заступаться за конкретных людей, продуктивнее работать с жалобами граждан.

Ред. А какие свои дела вы считаете самыми значимыми?

М.П. В свое время я и Сергей Пашин, в то время судья, направили жалобы по двум разным делам осужденных к смертной казни в Конституционный Суд РФ. Наши жалобы объединили с жалобами других адвокатов. В результате было принято решение о приостановлении исполнения смертной казни в России.

Ред. Да, тут комментарии не требуются.

Документ

«5. С момента вступления в силу настоящего Постановления и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей».

Из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П

«6. ...Это означает, что в Российской Федерации действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, который, по смыслу составляющих его правовых актов, первоначально предполагался в качестве краткосрочного. Вместе с тем данное правовое регулирование сохраняет свое действие более 10 лет (с момента принятия Россией на себя обязательств при вступлении в Совет Европы (28 февраля 1996 года) и подписания Протокола № 6 (16 апреля 1997 года), а также установления Конституционным Судом Российской Федерации (Постановление от 2 февраля 1999 года № 3-П) прямого запрета - в отсутствие надлежащих процессуальных гарантий - на назначение смертной казни) и легитимировано сложившейся правоприменительной практикой, в том числе последующими решениями Конституционного Суда Российской Федерации и решениями судов общей юрисдикции.

7. Таким образом, в Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее правовых актов смертная казнь как наказание уже длительное время не назначается и не исполняется. В результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни, элементом правовой основы которого является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П во взаимосвязи с другими его решениями, сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого - с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, - происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер ("впредь до ее отмены") и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации».

Из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р

М.П. Еще мы активно боролись за отмену трехлетнего срока для начинающих судей. Ведь председатели судов не выбирают, а назначают, и те, в свою очередь, решают, рекомендовать отработавшего три года судью к пожизненному назначению или нет. Это правило превратилось в фильтр для отбора «послушных», приучая начинающих судей всегда спрашивать мнение председателя, прежде чем написать решение по значимому делу. В итоге трехлетний «испытательно-воспитательный» срок был отменен. Постоянно поднимали вопрос о расширении подсудности судов с участием присяжных заседателей. Недавно принятые законы позволяют решить эти проблемы хотя бы отчасти.

Документ

«Внести в Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 30, ст. 1792; 1993, № 17, ст. 606; Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 26, ст. 2399; 2001, № 51, ст. 4834; 2005, № 15, ст. 1278; 2008, № 52, ст. 6229) следующие изменения:

1) в пункте 8 статьи 6 слова «до истечения срока полномочий судьи» заменить словами «до достижения судьей федерального суда предельного возраста пребывания в должности судьи»;

2) в статье 11:

а) абзац первый пункта 1 изложить в следующей редакции:

«1. Полномочия судьи федерального суда не ограничены определенным сроком»;

б) пункт 2 признать утратившим силу;

в) в пункте 6:

абзац первый изложить в следующей редакции:

«6. Полномочия судьи федерального суда прекращаются»;

абзац второй признать утратившим силу;

абзац пятый изложить в следующей редакции:

«Судья федерального суда, срок полномочий которого истек в связи с достижением им предельного возраста пребывания в должности судьи, продолжает осуществлять свои полномочия до окончания рассмотрения по существу дела, начатого с его участием, либо до первого назначения судьи в данный суд»;

в абзаце шестом слова «в связи с истечением срока полномочий или» исключить».

Из Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и в статьи 17 и 19 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»

Ред. Как у вас складываются отношения с соратниками по Совету?

М.П. У меня со всеми хорошие отношения, а с Людмилой Михайловной Алексеевой мы просто дружим. Это она предложила мне вступить в Московскую Хельсинкскую группу. С Эллой Поляковой мы тесно общаемся, с Сергеем Пашиным, Кириллом Кабановым, Сергеем Кривенко, Наташей Евдокимовой – в принципе, со всеми членами Совета, но наиболее тесно – с юристами, работающими в Совете. Многие проблемы приходится решать сообща, мы их вместе выносим на заседания Совета. Выходить из состава Совета мне никогда в голову не приходило: я отчетливо понимаю, что в Совете больше возможностей решать многие вопросы на системном уровне. Я всегда отговаривала тех, кто собирался выходить из Совета.

Ред. Над чем вы сейчас работаете?

М.П. В Краснодарском крае обездолили бывших колхозников: у людей, имевших право на землю, ее отобрали. По делам этих людей мы готовили научно-консультативные заключения. Сейчас получаю информацию, что подобные вещи происходят и в других регионах России. Поэтому важно

была бы, например, на Кубани, создать хороший прецедент. Вместе с другими юристами – членами Совета мы продолжаем добиваться изменений правового положения НКО и ОНК.

Для меня основная и самая объемная работа – организация подготовки и написание научно-консультативных заключений по судебным делам граждан, обращающихся в Совет. Таких обращений – тысячи, дела – сложнейшие, часто запущенные.

Что касается эффективности нашей работы, хотелось бы добиваться большего, но загвоздка в том, что другие структуры тоже обращаются к президенту, причем часто с просьбами, противоположными нашим. Люди, особенно на местах, когда слышат, что мы «при Президенте» относимся к нам с большой надеждой, считают, что мы можем по их просьбам в любой день подходить к главе государства и решать их вопросы в простой беседе с ним. В этом тоже трудность нашей работы: далеко не всегда нам – по разным причинам – удается помочь гражданам, даже если в отношении них допущена несправедливость.